

3. Деятели революционного движения. М., 1928.
4. Ефименко М. Н. Оренбургский народнический кружок // Национальная историческая библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://interpretive.ru/termin/orenburgskii-narodnicheskii-kruzhok.html>. (Дата обращения 30.10.2017).
5. Ефименко М. Н. Оренбургский народник Давид Аитов // Татары в Оренбургском крае: науч.-практ. конф. : тез. докладов. Оренбург, 1996. С. 47—49.

А. В. Ганин

Оренбургские тюрьмы в 1920 г. (по материалам обследования мест заключения Киргизского края)

В период освобождения Южного Урала от белых в июле 1919 г. декретом Совета Народных Комиссаров был создан Киргизский край с административным центром в Оренбурге. Постепенно здесь формировались различные административные органы, в том числе контролирующие. Среди прочих на основании положения инструкции и циркуляра комиссариата Рабоче-Крестьянской инспекции от 27 апреля 1920 г. № 20791 была образована Междуведомственная комиссия по обследованию мест заключения в Оренбурге. Состав комиссии утвердил губисполком (представители губернского отдела юстиции, ГубЧК, Рабоче-Крестьянской инспекции и рабочих организаций).

Материалы этой комиссии частично сохранились в фондах Государственного архива Российской Федерации и позволяют составить фрагментарное представление о положении мест заключения Оренбуржья сразу после завершения здесь широкомасштабной Гражданской войны. Значимость этого вопроса трудно переоценить. Прежде всего такой анализ позволяет получить представление об особенностях системы исполнения наказаний в регионе в тот период и в какой-то мере дает ответ на вопрос о размахе репрессий после восстановления советской власти. Особенно интересно сопоставить материалы о заключенных с аналогичной документацией, относящейся к периоду антибольшевистских режимов [1]. Это сопоставление позволит предметно ответить на вопрос, который на фоне столетних юбилеев событий Гражданской войны неизбежно приобретает большую общественную значимость, — чья карательная система (красных или белых) применительно к Оренбуржью была более жестокой и масштабной.

К сожалению, материалы комиссии, которые удалось выявить, касаются лишь мест заключения в самом Оренбурге, а также Илецкого лагеря принудительных работ и Илецкого арестного дома. Тем не менее результаты инспектирования этих учреждений показательны.

Инспекция мест заключения была проведена летом 1920 г. В Илецком лагере принудительных работ в основном содержались военнопленные. В сводных данных обследования лагеря отмечено, что «в числе военнопленных в лагере находятся: а) кадровые офицеры, которых меньшинство, б) большинство — призванные по мобилизации бывшие подпоручики, прапорщики и проч. или солдаты, произведенные в офицерское звание, имеющие в мирное время свою специальность по различным отраслям народного хозяйства, в) служащие полевого телеграфа и почты, г) контролеры полевого контроля и д) чиновники военного времени» [2, л. 4]. Конкретных обвинений арестованным не предъявлялось, при этом часть из них к лету 1920 г. сидела в лагере уже 8—9 месяцев. Казенной одежды заключенные не получали, а собственные вещи за время работы износились. Сохранились следующие статистические данные о заключенных лагеря за первую половину 1920 г. (табл. 1).

Таблица 1

Статистика заключенных Илецкого лагеря принудительных работ в первой половине 1920 г. [2, л. 13]

Дата	Мужчин		Женщин	
	Военнопленных	Срочных	Военнопленных	Срочных
01.01.1920		20		1
01.02.1920		45		1
01.03.1920		56		1
01.04.1920		74		4
01.05.1920		110		9
01.06.1920	192	38		7

Отсутствие сведений о военнопленных до лета 1920 г., вероятно, обусловлено неполнотой статистики.

Любопытны данные о досрочно освобожденных из лагеря (табл. 2).

Ведомость досрочно освобожденных из Илецкого лагеря принудительных работ в первой половине 1920 г. [2, л. 21]

Месяц	По амнистии		ГубЧК по ордерам		Комендантом за хорошее поведение	
	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин	Мужчин	Женщин
Январь	17	1			1	
Февраль	24	3	1			
Март	10		1			
Апрель	6	4	3			
Май	9					
Июнь	7	1				
Итого	73	9	5		1	

Ко времени инспектирования в Илецком арестном доме содержались лишь 11 заключенных. Таким образом, говорить о перезаполнении мест заключения в Илецке не приходится. За первое полугодие 1920 г. из лагеря бежали восемь человек. В основном это были уголовники.

После установления в Оренбурге советской власти в городе появились новые места заключения. Помимо губернской тюрьмы, которая теперь находилась в ведении карательного отделения губернского отдела юстиции, заключенных содержали в губернском подвале при комендантском управлении ГубЧК, в арестном доме при губернской милиции и в арестном помещении при Особом отделе ГубЧК.

Состояние губернской тюрьмы мало менялось с дореволюционных времен. Тюрьма по расчетам кубического содержания воздуха на 1918 г. вмещала 391 заключенного. В ней служили 7 старших и 55 младших надзирателей, а также 4 надзирательницы¹. На вооружении охраны находились 67 револьверов Смита и Вессона и 7 наганов. На момент инспекции в тюрьме содержался 381 подследственный и 137 осужденных мужского пола, 19 подследственных и 8 осужденных женского пола. Всего 545 заключенных [2, л. 45 об.], что несколько меньше максимально известной на сегодня по документам численности заключенных при белых (835 человек [3, л. 1 об. — 2]). При этом следует учитывать появление в Оренбурге новых мест лишения свободы, позволивших несколько разгрузить тюрьму. В то же время, как отмечалось в материалах инспекции, «отдельных режимов для заключенных, числящихся за судебными учреждениями, революционным трибуналом и чрезвычайными комиссиями, за неимением тюремных помещений не введено и лишь особо важные преступники, по указанию этих учреждений, содержатся изолированно. Прогулки и свидания для них более ограничены» [2, л. 46].

В 20 случаях за три месяца перед инспекцией в отношении заключенных применялся карцер (за драку, воровство, игру в самодельные карты, оскорбление сотрудников тюрьмы, передачу нелегальным путем переписки, попытку побегов, неуборку камеры). В качестве более легких мер наказания практиковались выговоры, лишение свиданий и прогулок.

В отчете инспекции отмечалось, что за три месяца перед инспекцией в тюрьме умерли четверо заключенных (трое от сыпного тифа и один — от брюшного), один заключенный, находившийся на работах на заводе Орлес, покончил с собой. Девять человек были досрочно освобождены (четверо — по болезни, остальные — за хорошее поведение). Кроме того, за январь — июнь 1920 г. из тюрьмы бежали 15 человек.

Распорядок дня был следующим: 6 утра — утренняя поверка; между 6 и 7 часов утра — подача кипятка для чая; 7 часов — подъем на работы; 12 часов — обед; 17 часов — подача кипятка для вечернего чая; 19 часов — вечерняя поверка. Два раза в месяц (при недостатке дров — реже) полагалась баня.

Среди заключенных имелось 200 грамотных мужчин и 16 женщин, 44 малограмотных мужчины и 280 неграмотных, 60 заключенных не менее шести раз в неделю по полтора-два часа обучались в тюремной школе. В тюрьме имелась библиотека из примерно 2000 томов книг с ежедневным оборотом 60—70 томов. Инспекцией обращалось внимание на прогресс в политическом развитии заключенных и в грамотности.

Заключенные занимались заготовкой дров, сена, овощей для тюремного хозяйства, очисткой дворов и ям в тюремных зданиях, работали в мастерских (портняжной, кузнечной, столярной, пере-

¹ Согласно штатам, утвержденным 1 августа 1917 г., в Оренбургской губернской тюрьме полагалось иметь 5 старших и 69 младших надзирателей, 1 старшую и 2 младших надзирательниц [3, л. 3—3 об.].

плетной, кровельной), высылались на внешние работы по требованиям различных учреждений (на посев хлеба, рубку дров, заготовку сена и т.д.). В день обследования на внешних работах трудились 39 человек и 73 человека — на внутренних. За труд на внешних работах к основным $\frac{3}{4}$ фунта хлеба выдавали добавки от четверти фунта до полуфунта.

Заключенные с воли и за работу в тюрьме получали деньги, которые могли тратить на приобретение продуктов. В исключительных случаях заключенным разрешались кратковременные отпуска по случаю болезни членов семей или для устройства домашних дел и сдачи должностей.

Мер против распространения тифа практически не предпринималось, камеры наводняли паразиты. При тюрьме существовали аптека, приемный покой и больница. Больные пользовались прогулками три раза в день, но посещение родственниками не допускалось, зато разрешалось посещать общую камеру свиданий, а также ежедневно получать продукты с воли. Камеры были переполнены. В помещении, рассчитанном на 16 человек, содержались 30 больных, которые из-за нехватки места лежали прямо на полу.

При обследовании губернского подвала (в управлении комендантской части ГубЧК), где содержались арестованные для предварительного следствия, инспекция установила, что там содержалось 12 заключенных, в том числе три женщины. Иногда скапливалось до 40 человек. Мужчины и женщины содержались вместе. Помещение имело не более 40 квадратных аршин и низкие своды. Заключенных не выводили на прогулки, не давали горячую пищу, выдавали только $\frac{3}{4}$ фунта хлеба в день, при этом их принуждали к труду по уборке помещений, хотя это были подследственные. Охрана составляла 10 человек.

Еще одно место заключения, арестное помещение при Особом отделе ГубЧК, занимало две комнаты — комнату и кухню. В последней содержали женщин. Помещение было грязным, арестанты спали на общих нарах. При осмотре были обнаружены 16 заключенных, в том числе пять женщин. Пищи вообще не выдавали, причем сотрудники Особого отдела уступали голодным заключенным остатки своей пищи, но заставляли заниматься тяжелым физическим трудом, угрожая перестать кормить вообще [2, л. 51 об.].

Самые неблагоприятные для заключенных условия зафиксированы в арестном доме при губернской милиции (дом Иванова). Там содержались 160 подследственных, в том числе 48 женщин. Практиковалось жестокое обращение с заключенными, побои, для наказаний использовалась плеть, при допросе пытали электрическим током, женщин за ослушание сажали в зловонное отхожее место [2, л. 52 об.]. При посещении арестного дома комиссия обнаружила двух заключенных, избитых тяжело, и одного — легко. Горячей пищи не выдавалось, даже кипяток давали не каждый день. Заключенные получали лишь $\frac{3}{4}$ фунта хлеба в день, а за кипяток платили из своих средств заведующему арестным домом по 100 руб. за самовар. Питьевой воды в камерах не было, ходить за водой к крану не разрешалось. Пищу с воли к заключенным не пропускали, зато заведующий арестным домом предлагал им пирожки по 150 руб. за пару.

Белья арестованным не выдавали, в связи с чем некоторые ходили в лохмотьях. Бани не имелось. Прогулки разрешались не каждый день, причем продолжительностью не более 10 минут в сутки. Камеры не вентилировались, были грязными и кишели паразитами, отхожие места протекали и распространяли зловоние по камерам.

Поскольку на 160 заключенных имелось только 60 коек, большинству приходилось спать на полу. Охрана составляла 30 человек караульной команды — при трех сменах в день наружный караул состоял из восьми человек, а внутренний — из двух. За три месяца перед инспекцией из арестного дома бежали шесть человек.

Один из членов комиссии, заведующий отделением краевого комиссариата Рабоче-Крестьянской инспекции Листовский, 2 августа 1920 г. к материалам инспектирования мест заключения составил дополнительный доклад, направленный против произвола ГубЧК.

Автор доклада раскритиковал сложившуюся практику арестов: «По поводу постановлений агентов губчеки о заключении под стражу граждан республики замечу, что отсутствие указания в означенных постановлениях, в чем, собственно, обвиняется арестованный, дает повод предполагать, что, препровождая гражданина в тюрьму, сам агент не всегда знает, в чем возможно будет обвинить заключенного, а это, в свою очередь, дает повод заключить, что самые аресты происходят слишком поспешно и без достаточных данных...»

Между тем, если прежде, во время острой борьбы, когда требовалась молниеносность действий, была преподана директива “лучше забрать больше невиновных, чем оставить одного виновного”, то теперь, когда мы приближаемся внутри республики к эре творческого строительства, необходимо предоставить больше гарантии свободе личности и воздержаться от преждевременных и необоснованных арестов, тем более, что эту мысль проводит центр» [2, л. 53].

Автор этого доклада отмечал, что Междуведомственная комиссия подпала под влияние ГубЧК, проявила мало самостоятельности и оказалась ограничена в свободе своих решений. В частности, в ответ на запрос девяти дел о содержащихся в губернской тюрьме за ГубЧК, в тюрьме ответили, что фигуранты тех дел уже расстреляны. Представитель ГубЧК даже пригрозил членам комиссии арестом в случае дальнейших попыток разобраться в ситуации.

Листовский обращал внимание на произвол чекистов: «Население г. Оренбурга было нервировано повальными обысками для отбирания всякого казавшегося по усмотрению агента лишним у граждан имущества, причем доходило до такого курьеза, что, напр[имер], одна организация выдавала предметы по карточкам, а другая ходила по обывателям и отбирала эти предметы себе... агенты, которым поручено было произвести опись церковного имущества, вели себя некорректно, были в шапках, курили в алтаре, что с точки зрения христиан недопустимо...» [2, л. 53 об.].

Среди осужденных обнаружили четыре фигуранта церковного дела, которых предлагалось освободить, однако освобождения не последовало. Суть дела заключалась в избиении группой верующих участников описи церковного имущества в одном из храмов, за что некоторых участников избиения казнили. Других арестованных освободили, а четыре человека, имевшие отдаленное отношение к инциденту, продолжали содержаться под стражей.

Обвинявшийся в бандитизме и соучастии в убийстве кассира кооперативного общества ломовой извозчик В. Данилов, приговоренный к пожизненному заключению, несмотря на речительство нескольких партийных работников в его невиновности, в результате пересмотра дела был взят под конвой ГубЧК, что означало отправку на расстрел. Впрочем, никакого официального подтверждения его расстрела чекисты не предоставили.

Обвинявшемуся в спекуляции гражданину Хабибуллину ГубЧК постановила присудить два года принудительных работ с заменой штрафом по 10 000 руб. в месяц, то есть предлагалось откупиться. Автор доклада задавался вопросом: «Как проконтролировать, что суммы, взыскиваемые таким образом, поступают в народные средства, а не получают совершенно другое назначение» [2, л. 54].

Подразумевая ГубЧК, докладчик не без иронии писал, что «для нашего высокого охранительного органа никаких декретов, регламентирующих его постановления, не имеется, и выносить приговора предоставляется его усмотрению» [2, л. 54].

Возмущала Листовского и практика заочных приговоров ГубЧК: «Не могу не остановить внимание на том обстоятельстве, что в случаях широкого применения заочных решений губчекою, когда собираются сведения только со стороны обвинения и игнорируются, не допрашиваются и не признаются свидетели со стороны обвиняемого, когда острый период борьбы в пределах республики с капитализмом и буржуазией, для которой законы не писаны, миновал, полагаю, не должен теперь применяться. При таком положении дела даже при всем добросовестном отношении к делу со стороны агентов губчеки, но только в силу одностороннего освещения дела рабочие и крестьяне могут понести невинные жертвы...»

Еще не так давно 17 чел[овек] крестьян были приговорены губчекою к расстрелу.

Приговор случайно не был приведен в исполнение, ввиду общей амнистии, и казнь была заменена срочным заключением. В действительности же эти заключенные оказались не преступниками, а настолько трудолюбивыми и хорошими работниками, что всех их освободили до срока заключения.

Между тем не совпало случайно этот приговор с амнистией, республика лишилась бы 17 чел[овек] полезных работников» [2, л. 54—54 об.].

В целом доклад Листовского рисует яркую картину произвола в отношении арестованных. При этом юридическая обоснованность постановлений Реввоентрибунала сомнений не вызывала, а сами приговоры не являлись секретом.

Еще одной претензией автора доклада было то, что заведующий губернским отделом юстиции не имел образования. Листовский резюмировал, что, «если в настоящее время является необходимым в целях поднятия экономической жизни республики ввести планомерно в сознание народных масс ответственное правовое начало, то для этой цели отделом юстиции должно заведовать лицо с высшим юридическим образованием, и эта мысль не новая, так как она всецело вытекает из тех директив, которые преподаны тов. Лениным за последнее время» [2, л. 54 об.].

Сопоставление данных о заключенных в первые годы советской власти с аналогичными материалами времен пребывания белых на Южном Урале позволяет сделать некоторые наблюдения.

Можно отметить, что с возвращением в Оренбург красных в 1919 г. количество мест заключения увеличилось. Помимо губернской тюрьмы появились губернский подвал при комендантском

управлении ГубЧК, арестный дом при губернской милиции, арестное помещение при Особом отделе ГубЧК.

Однако сравнительный анализ состояния мест заключения Оренбуржья и статистики заключенных показывает, что как при красных, так и при белых в местах заключения региона, по которым выявлены статистические данные, содержалось незначительное число лиц. Численность заключенных в Оренбурге в сравнении с периодом власти белых практически не изменилась. Если при белых, по данным на 15 сентября 1918 г., в губернской тюрьме содержались 835 человек, то при красных летом 1920 г. в местах заключения Оренбурга пребывали 733 человека. В местах заключения, как и при белых, наблюдалась переполненность. Выявленные данные не позволяют говорить о том, что аресты при красных превзошли своим размахом аресты при белых. Кроме того, материалы оренбургского тюремного ведомства в целом не свидетельствуют о масштабности репрессий в Гражданскую войну.

Заключенные губернской тюрьмы в 1920 г. обладали определенными правами, получали денежные средства, медицинское обслуживание, в исключительных случаях могли по семейным и служебным вопросам покидать пределы тюрьмы, обучались грамоте и могли пользоваться тюремной библиотекой. О получении заключенными денежных средств, возможности покидать тюрьму или о просветительской работе среди заключенных при белых данных нет.

Еще одним отличием было зафиксированное советской инспекцией применение пыток. Материалы инспекции зафиксировали битье плетью, пытки электрическим током. Кроме того, практиковались произвольные аресты, суровые репрессивные меры за малейшее сопротивление новой власти, применение расстрелов без достаточных на то оснований. Материалы инспектирования мест заключения при белых данных о пытках и необоснованных расстрелах не содержат (что, конечно, их не исключает).

Если при белых заключенные в силу разных причин в основном не работали, то при красных стал эксплуатироваться даже труд подследственных, которых еще не осудили. Заключенных Особого отдела ГубЧК тюремщики и вовсе заставляли работать под угрозой прекращения выдачи остатков пищи со своего стола.

Документы свидетельствуют о складывании к 1920 г. в Оренбурге системы юридического произвола ГубЧК, репрессивная деятельность которой никем не контролировалась. Положение лиц, закрепленных тогда в местах лишения свободы за ГубЧК, можно назвать бесправным. Таким образом, если условия содержания заключенных, например в губернской тюрьме, в какой-то мере улучшились в сравнении с прежними временами, то положение тех, кого можно отнести к политзаключенным, врагам режима, заметно ухудшилось.

Террористические методы работы органов госбезопасности практиковались уже в то время, хотя о массовом терроре в Оренбурге в 1920 г. говорить не приходится. По косвенным упоминаниям в выявленных документах можно сделать вывод, что при восстановлении советской власти в регионе в 1919 г. террор имел более широкий размах, нежели в 1920 г. Вместе с тем выявленные материалы подтверждают тезис о том, что именно в первые годы советской власти был заложен фундамент системы государственного террора, достигшей своего апогея ко второй половине 1930-х гг.

Список использованных источников и литературы

1. Ганин А. В. Статистика заключенных Оренбургской губернии под властью белых (1918—1919) // Гороховские чтения : материалы восьмой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. А. Э. Алакшин. Челябинск, 2017. С. 52—65.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4085. Оп. 11. Д. 147.
3. ГАРФ. Ф. Р-1405. Оп. 1. Д. 7.

В. В. Филатов

Протестное движение средневожских крестьян в 1930 году

Процесс осуществления коллективизации и раскулачивания в СССР по-прежнему вызывает научный интерес. Новые источники и литература позволяют выявить отдельные детали в трагической истории советского крестьянства. Существенный массив опубликованного материала дополнит данная статья, в систематизированном виде раскрывающая проблему попыток средневожских сельских жителей различными способами протестовать против репрессивной политики властей. Являясь составной частью Средне-Волжского края в 1930-х гг., Оренбуржье прошло те же этапы социалистического переустройства села, сопряженные с нарушением прав крестьянства.